

Цзычэ Уци был на удивление откровенен:

— У тебя своя цель, у меня — своя. Исходя из того, что ты сказал, тот, кто забрал твою Лазурную реликвию, скорее всего, заодно с тем, кто расчленил главу Тридцати шести небесных врат.

— Вот оно что, — Эньюй внезапно прозрел. — Значит, ты хочешь убить двух зайцев одним выстрелом. Что ж, хорошо. Когда мы отправляемся на поиски этого мастера? Как его зовут? Где он живет? Легко ли с ним поладить?

Дунфан, услышав их разговор, заинтересовался. Неужели в мире существует такой мастер? Почему он о нем никогда не слышал?

Если говорить о методе Даянь, то первым, кто приходил на ум Дунфану, был сам господин Воци. Кто мог сравниться с Цзычэ Уци и его пятьюдесятью стеблями тысячелистника?

Однако, поразмыслив, он понял: Цзычэ Уци сейчас тяжело ранен, и гадать ему, скорее всего, не под силу. Принудительное использование стеблей не только подорвет его здоровье, но и может привести к искажению гексаграмм. В итоге получится лишь пустая трата времени.

Вот почему Цзычэ Уци решил обратиться за помощью к другому знатоку метода Даянь.

Но Дунфан заподозрил, что этот мастер — человек крайне сложный. Если бы с ним было легко договориться, Цзычэ Уци не стал бы обсуждать это с Эньюем, а просто решил бы все дела сам. Раз он заговорил об этом, значит, ему определенно нужна помощь Эньюя.

Чем больше Дунфан думал об этом, тем больше убеждался в своей правоте. Он слишком хорошо знал Цзычэ Уци.

Дунфан не удержался от вздоха:

— А господин Воци-то, оказывается, скрытный тип...

— Э? — Эньюй, сидевший до этого на месте, вдруг вскочил. — В комнате кто-то еще есть? Кто это сказал?

От этих слов по спине Дунфана пробежал холодный пот. По идее, никто не должен был слышать его голос, но он только что позволил себе колкость, и Эньюй каким-то образом ее уловил.

Дунфан вздрогнул. Неужели его культивация достигла такого уровня, что он может общаться с окружающими без посторонней помощи?

Эньюй услышал невнятный звук, но был уверен, что кто-то произнес фразу. Он обвел комнату взглядом, но, кроме него и Цзычэ Уци, здесь никого не было.

Цзычэ Уци сидел за столом, прижав руку к груди.

— Ты не слышал, как кто-то говорил? — спросил Эньюй.

— Нет, — равнодушно ответил Цзычэ Уци.

Эньюй не верил, что мог слышаться, но по бесстрастному лицу Цзычэ Уци невозможно было понять, лжет он или говорит правду.

— Я еще не закончил, — произнес Цзычэ Уци.

Эньюй был вынужден отступить:

— Продолжай.

— Его имени никто не знает, но его называют Фуяо-цзы.

— Пф-ф... кхе-кхе!

Услышав имя Фуяо-цзы, Дунфан не сдержался и закашлялся, едва не задохнувшись.

Эньюй тут же воскликнул:

— В комнате точно кто-то есть! Где он?

— Никого нет, — по-прежнему холодно ответил Цзычэ Уци.

Эньюй снова прошелся по комнате:

— Послушай, смертный, почему ты так неискренен? Ты что, прячешь здесь красавицу? Я должен увидеть, кого ты скрываешь!

Эньюй обыскал каждый угол, а Цзычэ Уци спокойно сидел, даже не пытаясь его остановить. Дунфан затаил дыхание, боясь пошевелиться, чтобы его не обнаружили.

Наконец, устав от бесплодных поисков, Эньюй вернулся на место и вспомнил, на чем они остановились:

— Фуяо-цзы? Странное имя.

Он никогда не слышал этого прозвища, ведь он не был смертным.

А вот Дунфан был прекрасно осведомлен. В Сяояо-ю Чжуан-цзы писал о том, кто поднимается на вихре Фуяо на девяносто тысяч ли. Этот Фуяо-цзы обладал немалой силой, был похож на призрачного бессмертного, отличался скверным и переменчивым нравом. Говорили, что он страшнее злого духа, а его скорость была столь велика, что никто не мог его догнать. Даже если он творил зло, наказать его было невозможно, за что он и получил свое прозвище.

К несчастью, Фуяо-цзы исчез много лет назад. Мало кто знал истинную причину, но Дунфану она была известна.

Много лет назад кто-то сломал Фуяо-цзы ногу, после чего тот от стыда и ярости скрылся в глубоких горах, где о нем постепенно забыли.

Фуяо-цзы действительно был мастером гадания на тысячелистнике, но...

Дунфан был в полном восхищении от Цзычэ Уци. Ведь тем самым человеком, который сломал Фуяо-цзы ногу, был не кто иной, как прославленный господин Воци!

Дунфан никак не ожидал, что Цзычэ Уци собирается искать помощи именно у него.

Разве встреча заклятых врагов может закончиться чем-то мирным?

Дунфан украдкой вытер пот. Между ними была такая глубокая вражда, что их визит мог обернуться настоящим хаосом. К тому же Фуяо-цзы был далеко не прост.

Эньюй, не зная о планах господина Воци и их старых счетах, просто обрадовался возможности вернуть Лазурную реликвию:

— Отлично, отправляемся немедленно! Не будем тянуть!

Цзычэ Уци покачал головой:

— Мы сможем уйти только после того, как почтим память господина Тана.

Эньюй возмутился:

— Что? Еще и поминать его? Он же стал злым духом! Зачем нам здесь оставаться?

Старый глава семьи Тан внезапно превратился в злого духа, что повергло в шок даже его близких, не говоря уже о посторонних. Семья Тан хотела скрыть это, поэтому поминальная церемония должна была пройти как обычно.

Цзычэ Уци понимал это и ради своего наставника решил проявить уважение, поэтому им пришлось задержаться еще на день.

Эньюй был недоволен, но ничего поделать не мог.

Цзычэ Уци сухо произнес:

— Это все, что я хотел сказать. Можешь идти.

— Ты, — Эньюй сверкнул глазами, — настоящий мастер в том, чтобы выбросить вещь, как только она стала не нужна. Я Гаруда, а ты, смертный, обращаешься со мной как с прислугой. Это возмутительно!

Цзычэ Уци остался невозмутим:

— Разве тебя не ждет третий молодой господин Тан?

При этих словах Эньюй чуть не подпрыгнул:

— Чуть не забыл! Я ухожу!

Упоминание Тан Фэнцзюй заставило его забыть о недавнем споре. Он поспешно выбежал из комнаты, с грохотом захлопнув за собой дверь.

Видя, что Эньюй ушел, Дунфан вздохнул с облегчением, надеясь, что тот не вернется.

Цзычэ Уци налил себе чаю, поднес чашку к губам, но не пил:

— Он ушел далеко, не вернется.

Лишь после этого он допил чай.

Сердце Дунфана бешено заколотилось. Он смотрел на лицо Цзычэ Уци и не мог поверить своим глазам. Неужели Цзычэ Уци все это время знал, что он находится в этой книге — Каноне божественных знаков Лунцзя? И все его разговоры были не монологами, а обращением к нему?

Дунфана охватил страх, но тут же показался нереальным. Тридцать шесть небесных врат и дворец Юньцзи были заклетыми врагами, а Дунфан был тем, кто убил старшего брата Цзычэ Уци. Если бы тот знал, что душа врага заперта в книге, разве не должен был он уничтожить ее, чтобы отомстить?

Голова Дунфана шла кругом. В этот момент Цзычэ Уци тяжело вздохнул, встал и лег на кровать. Не раздеваясь, он достал книгу из-за пазухи и начал гладить обложку.

Дунфан, не используя иллюзорное зеркало, смотрел прямо на него. Они оказались так близко, что Дунфан едва не скосил глаза.

Выражение лица Цзычэ Уци было странным. Дунфан подобрал подходящее слово:

— Одержимость.

Точно, одержимость, и никак иначе.

Господина Воци всегда превозносили за внешность и манеры, так что нет нужды описывать, насколько он был очарователен. Сейчас, глядя на него, Дунфан почувствовал, как участилось его собственное сердцебиение. Неудивительно, что все так стремились увидеть господина Воци — у него были неоспоримые природные данные.

Дунфан начал думать о чем-то странном.

Погладив книгу, Цзычэ Уци начал водить по ней своими длинными сильными пальцами.

Дунфан покраснел до корней волос. Рука Цзычэ Уци была такой большой, что почти полностью закрывала книгу. От этих прикосновений по телу Дунфана пробежала дрожь — он касался не только волос и лица, но и других... труднопроизносимых мест.

Дунфан сгорал от стыда, но не мог пошевелиться, чувствуя себя рыбой на разделочной доске. Ему оставалось лишь повторять про себя: я просто книга, я просто книга...

Кстати о книге, Дунфана удивляло одно обстоятельство. У Цзычэ Уци уже было два тома Канона, и он думал, что тот хочет собрать их все. Но сегодня, заметив еще один том в семье Тан, Цзычэ Уци даже не взглянул на него и ушел, не забрав.

Дунфан не понимал, что у него на уме. К тому же, в нефритовом ларце на столе лежал еще один том, который покрывался пылью! Дунфан очень хотел, чтобы Цзычэ Уци выбрал другую книгу для своих «приставаний», ведь он чувствовал, что скоро сотрется от таких ласк.

Пока Дунфан мысленно ворчал, рука Цзычэ Уци замерла. Присмотревшись, он понял, что тот

уснул.

Рука была прохладной, но Дунфан чувствовал исходящую от нее энергию и силу, что заставляло его облизываться. Воспользовавшись моментом, он начал культивировать. Теперь, когда он мог вселиться в оболочку человека с низкой культивацией, у него появилась надежда рано или поздно освободиться из плена книги.

Раз уж Цзычэ Уци и Эньюй собираются к Фуяо-цзы, Дунфан надеялся узнать, кто именно его расчленил, чтобы однажды отомстить.

Цзычэ Уци спал крепко. Наступило утро, но он не открывал глаз, пока солнце не поднялось высоко. Только когда ученик в спешке постучал в дверь, он не торопясь поднялся.

Это был Сюнь Юйци, лицо которого выражало тревогу:

— Наставник, случилась беда.

Дунфан, чувствуя прилив сил после медитации, с любопытством ждал новостей.

Цзычэ Уци привел одежду в порядок, спрятал Дунфана за пазуху, даже не взглянув на книгу в ларце, и впустил ученика.

— Наставник, — выпалил Сюнь Юйци, — многие из тех, кто пришел на поминальную церемонию, прослышали, что у вас есть несколько томов Канона божественных знаков. Теперь они требуют показать им книгу.

Дунфан усмехнулся: все они просто жаждали заполучить сокровище, которое было в руках господина Воци.

Слухи распространились быстро, и к полудню все гости требовали, чтобы господин Воци не был эгоистом и продемонстрировал Канон.

Цзычэ Уци выслушал его без тени эмоций:

— Я понял.

Сюнь Юйци ждал продолжения, но наставник лишь велел ему уйти, так как собирался умыться.

Колеблясь, Сюнь Юйци вышел.

Цзычэ Уци окликнул его:

— И еще: после церемонии возвращайся с учениками во дворец Юньцзи. Мне нужно отлучиться по делам, вернусь скоро и сам доложу главе.

Сюнь Юйци хотел спросить куда, но Цзычэ Уци уже отвернулся и взмахом руки захлопнул дверь.

Приведя себя в порядок, он отправился на церемонию. Когда господин Воци появился, все взгляды устремились на него. Дунфан слышал шепот, в котором постоянно повторялось слово Канон. Цзычэ Уци, конечно, тоже слышал, но оставался невозмутимым.

Церемония прошла гладко, так как все уважали семью Тан и не решались устраивать скандалы. Но стоило ей закончиться, как путь Цзычэ Уци преградили.

— Господин Воци, давно не виделись, — сказал один из присутствующих.

Другие тут же подхватили:

— Мы слышали, вы добыли Канон у демонов из Тридцати шести небесных врат. Зачем же скрывать такую вещь? Покажите нам!

Цзычэ Уци ответил:

— У меня срочные дела, не могу задержаться. Прошу прощения.

Кто-то загородил ему дорогу:

— Господин Воци, к чему такая скупость? Дворец Юньцзи так жаден, что даже взглянуть не дает?

Цзычэ Уци нахмурился. Он спешил встретиться с Эньюем, чтобы отправиться к Фуяо-цзы, и не хотел терять времени.

Толпа начала шуметь:

— Верно, просто взглянуть! Один разок!

Цзычэ Уци сжал губы:

— Книга у меня за пазухой. Кто хочет — пусть подойдет и заберет сам.

Все сразу притихли. Кто осмелится бросить вызов господину Воци? Никто не хотел навлекать на себя беду.

— Раз у вас больше нет дел, я пойду, — сказал Цзычэ Уци.

— Пойдите!

Только он хотел шагнуть, как сзади раздался громкий голос. Цзычэ Уци обернулся и увидел молодого человека лет двадцати-тридцати, вышедшего из толпы.

Мужчина был статен, выглядел благородно и внушал доверие. Толпа его не узнала, но почувствовала, что он не из простых.

— Господин Воци, прошу, останьтесь, — сказал он.

Дунфан, который уже собирался вздремнуть, открыл глаза. Этот человек показался ему подозрительно знакомым.

— О, молодой глава павильона Итянь, чем могу быть полезен? — спросил Цзычэ Уци.

Павильон Итянь был знаменит своей библиотекой, которую Цзычэ Уци когда-то прочел от корки до корки всего за день, после чего глава павильона и сменил название на Итянь.

Связь между ними была, но Дунфан терпеть не мог людей из этого павильона.

Почему? Все они казались праведниками, а на деле были хитрецами и интриганами. Молодой глава павильона был худшим из них.

Дунфан вспомнил, как когда-то, будучи учеником дворца Юньцзи, он посещал этот павильон. Тогда все закончилось скверно. Молодой глава павильона обвинил учеников Юньцзи в краже секретных техник и отказался выпускать их, пока они не вернут украденное.

Дунфан и его товарищи были в ярости — они ничего не брали! Началась потасовка, в которой пострадал его младший соученик. Дунфан, не выдержав, так избил молодого главу, что тот стал похож на свиную голову.

Дело приняло серьезный оборот, и дяде Уци пришлось проделать долгий путь, чтобы уладить конфликт. В итоге выяснилось, что в павильоне просто ошиблись при подсчете свитков. Но молодой глава требовал извинений, которых Дунфан так и не принес, прежде чем Цзычэ Уци увез их оттуда.

Прошли годы, но Дунфан, будучи человеком злопамятным, ничего не забыл.

<http://bllate.org/book/18938/1855726>